

18+

Юрий Иванов

**Бытием
натирать
МОЗОЛИ**

Сборник статей

Юрий Иванов
Бытием натирать
мозоли. Сборник статей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70401715

ISBN 9785006247970

Аннотация

Авторский сборник литературно-критических статей о творчестве современных поэтов и прозаиков, об их достижениях и неудачах.

Содержание

НЕЗАЧЁТ	5
ТЕПЛИТСЯ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ	21
СКОМОРОХ, ИЛИ ЗЕРКАЛО КРИВОЙ РЕАЛЬНОСТИ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Бытием натирать мозоли

Сборник статей

Юрий Иванов

© Юрий Иванов, 2024

ISBN 978-5-0062-4797-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕЗАЧЁТ

*«Беда, коль пироги начинёт печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник.»
(И.А.Крылов, «Щука и кот»)*

Александр Молчанов, широко рекламирующий себя в Интернете, как гуру сценарного ремесла, как успешного прозаика и драматурга, опубликовал в журнале «Новый мир» №1 за 2018 год нечто под названием «Коммунист». «Нечто» потому, что это не озаглавлено ни как повесть, ни как киноповесть, ни как мини-роман, ни как что-то другое, связанное с прозой. А носит это повествование подзаголовок «Героическая симфония». Даже при беглом чтении видно, что эта «героическая симфония», по сути дела, тритмент (так называют подробный поэпизодный план телесериала) с хорошо прописанными первой и второй частями тем сценарным языком, каким пользовались ещё советские кинодраматурги. А дальше посыпалось сухое лапидарное описание (разбавленное примитивными диалогами для оживления, так сказать, пейзажа) других частей того, что должно было, видимо, позднее стать этим самым сериалом. В общем, всё в духе американских прозаиков современности, которые пишут свои остросюжетные вещи сразу с прицелом на возможную – если повезёт – экранизацию в Голливуде или на те-

левидении. Недаром, А. Молчанов учился, помимо Вологодского пединститута, ещё и в одном из американских вузов.

К прозе опубликованный «Коммунист» никакого отношения не имеет. По хорошему, надо было бы хотя бы вкратце пересказать содержание «героической симфонии», чтобы было понятно, о чём идёт речь. Но сделать это невозможно, т.к. сам текст и есть фактически краткий авторский пересказ сочинённой самим же А. Молчановым истории. Вот отрывок для примера (действие происходит в Советской России, судя по всему в 1921 году, после введения на X съезде РКП (б) продналога вместо продразвёрстки, т.е. в начале НЭПа), часть 4, глава 10:

«Узнав о побеге Забели, Гордеев отправился на его поиски. Забеля слишком много знает. Они встретились в тихом переулке. Гордеев достал револьвер, хотел выстрелить Забеле в лицо. Не удалось. Богатырь Забеля обезоружил Гордеева и хотел задушить его. Почти задушил, но подбежали другие чекисты, и Забеле пришлось уходить. Гордеев выхватил револьвер у одного из чекистов, несколько раз выстрелил вслед Забеле. Забеля упал. Убит?

– Сходи-ка проверь, – скомандовал Гордеев одному из чекистов.

Проверить не успели. Из-за угла на выстрелы выбежала толпа, увидела чекистов и кинулась на них. Еле ушли, отстреливаясь...».

Оставим в стороне вопросы: а почему хотел выстрелить

именно в лицо? А из-за какого угла выбежала толпа? И что она там делала? И почему именно толпа? В общем, если это проза, то я – Лев Толстой. Как говорится, без комментариев.

Приблизительность – вот главный бич современного кино и ТВ, которую А. Молчанов тащит и в свою «прозу»... На одном из кинофорумов зритель-читатель спросил у сценариста имярек: почему, мол, в его сериале работа полиции прописана очень и очень приблизительно? На что контрагент вопрошавшего ответил высокомерно и глупо: мол, за работой полиции идите в полицию, а в кино – за кино. Вообще-то, нам, зрителям и в данном случае читателям, хотелось бы, чтобы то, что нам показывают или описывают, более-менее соответствовало реальности. Зачем нам идиотские фантазии?

Ну, то, что современные сценаристы уверены, будто революцию делали исключительно одни уголовники – Котовские, Мишки Япончики, Махно и прочая – пусть это останется на их совести, видимо, объелись советских фильмов о революции и Гражданской войне с их идейными персонажами. Хотя с точки зрения Уложения об уголовных наказаниях Российской империи, конечно, все революционеры были преступниками – уголовными или политическими.

Таковы же и персонажи «Коммуниста» Молчанова. Неудачливый вор Арсений Жуков волею случая участвует в убийстве уполномоченного по продовольственным заготовкам ЦК РКП (б) некоего Борисова. Путём шантажа его подельник Гришка Хруст отправляет Жукова с документами

Борисова в некий город Окунев проверить аферу: пригнать в Москву и пустить один эшелон с хлебом налево, и, таким образом, обогатиться и уехать в Америку (!). Собственно, вокруг Окунева и в Окуневе и происходят почти все события. Весь дальнейший текст посвящён тому, как Жуков-Борисов действительно превращается в человека, борющегося за дело большевиков, пусть и под давлением обстоятельств. Задумка интересная: перековка вора с «родимым пятном капитализма» в нового человека.

Похождения «Борисова» увлекательны, А. Молчанов умеет выстроить динамичный сюжет, в этом автору не откажешь. На поезд, в котором герой едет в Окунев, нападают анархисты. Со своим спутником, сопровождающим его красноармейцем Забелей, герой попадает из одной заварухи в другую, пока не добирается до этого пресловутого Окунева. Путным мы знакомимся со всеми героями повествования: командиром карательного (!) отряда Оксаной Головнёй, чекистом Гордеевым, комендантом города Кондратьевым, с дочкой коменданта медсестрой Катериной, журналистом Фокиным, командиром повстанческой армии анархистов Шестопаловым и проч. Наличествует и любовная линия – и не одна. Чего только не происходит в Окуневе и около! Заговоры, расстрелы, бунты, неподчинение Москве, нападение анархистов, убийства, рукопашные схватки...

Ещё раз повторю: пересказывать пересказ «героической симфонии», – дело безнадёжное. 90 страниц такого тек-

ста! Мда...

Обращаю внимание, главный герой – вор! По мнению современных сценаристов, в основе любых действий кино- и телеперсонажей времён Гражданской войны лежит исключительно личный интерес, в данном случае, героя, который решил по ходу дела – раз уж так получилось! – оседлать подходящую волну и рулить ею, а не быть пассивным ведомым. Так сказать, «тварь я дрожащая, или право имею?». Хотя с точки зрения сценарного мастерства, всё сделано правильно: за персонажами в кино/телесериале интересно смотреть только тогда, когда герои преследуют личный конкретный интерес. Плюс динамика действия, монтаж, трюки, цвет, звук... В прозе, однако, надо быть более убедительным и достоверным, автор должен заставить читателя поверить, что то, что происходит с героями – не авторский произвол.

Увы, в «героической симфонии» есть и идейные персонажи, например, красноармеец Забеля. Почему, увы? Потому что он простоват, хотя и предан по долгу службы «товарищу Борису», эдакий хитрован с мелкобуржуазными представлениями о счастье после революции: своя квартирка и ничего не делать. Уже помянутый чекист Гордеев просто хитёр. А чекистка Головня, начальница карательного (!) отряда, патологическая садистка. Как и помощник коменданта города Померанцев. Руководитель Окунева Кондратьев – законченный наркоман. Главарь «армии» анархистов Шестопалов – самовлюблённая личность, не лишённая иногда че-

ловеческих черт. Вот такие личные интересы движут героями А. Молчанова.

Ну, бог с этим. Видимо, по-другому нынешние авторы уже просто не умеют и не могут, голливудцы доморощенные. А вот что бросается в глаза при чтении, так это историческая небрежность, неточность в деталях, причём вопиющая. Видимо, авторы уповают на продюсеров, мол, они, если что, подправят. Продюсеры, боюсь, уповают на сценаристов: раз пишут, то, видимо, знают о чём. И, как всегда, в титрах сериалов мы не видим исторических консультантов. Увы, в пролёте оказывается зритель, или как в нашем случае, читатель. Видимо, сценаристы, они же часто и продюсеры, считают, что и так сойдёт. Пипл схавает. Или просто жадничают, финансисты, прости господи!

Впрочем, вернёмся к нашим баранам, т.е. к прозе. Посмотрим, в чём накуролесил А. Молчанов, описывая события почти столетней давности, что он знает, в частности, о нашей истории. Увы, оказалось, не всё. И далеко не всё. Приведу примеры. Оставим в стороне такие мелочи текста, как, например, «милиционер в погонах», или Забеля, побывавший во время 1-й Мировой войны в Чехии (!) ... Или описание в одной главе вором Хрустом английского револьвера «бульдог», а в следующей использование им же для убийства уполномоченного Борисова пистолета из того же кармана... Или постоянное наименование отряда чекистки Оксаны Головни «карательным». Насчёт последнего. Не было

официально ни в РККА, ни в ВЧК подразделений с наименованием «карательный отряд», были части особого назначения (ЧОН) или войска ВНУС (внутренней службы), которые не относились ни к РККА, ни к ВЧК. Силовая поддержка продовольственных отрядов. Это как? Мелочи? Но, как известно, дьявол кроется в деталях.

Такая вот, знаете ли, история. Заранее приношу извинения за некоторое занудство.

В части второй, главе 5 автор пишет: «...Отец его [Забели – Ю.И.] воевал в Германскую, дошёл до Рейна. Привёз с войны трофейную швейную машинку «Зингер»...

Если бы Русская Императорская армия дошла до Рейна, то это означало бы, что Россия выиграла Первую мировую войну с германцем. Чего в жизни, как известно даже ученикам 9 класса, не было. Возможно, автор так и не окончил основную школу, раз он не в курсе. Тогда не знаю, как быть с Вологодским пединститутом в его биографии... Русская армия, увы, «дошла», но только в обратную сторону – до Риги. А в начале 1918 года – почти до Петрограда. И швейные машинки «Зингер» не были дефицитом в России, достаточно вспомнить, что на Невском проспекте в центре тогдашней столицы стояло (и до сих пор стоит) здание российской штаб-квартиры упомянутой компании (правда, с советских времён уже под названием «Книги»). А тут – «трофейная»!..

Часть 2, глава 6: «Будущий роман Фокина [журналиста, с которым наш герой «Борисов» знакомится в поезде по пути

в этот самый Окунев – Ю.И.] так и будет называться: «Наши враги».

– А вы никогда их не видели, наших врагов? – поинтересовался Борисов.

– Нет! – с досадой сказа Фокин, – не довелось. Не везёт мне с врагами. Революция истребляет их быстрее, чем мы, писатели, успеваем их как следует изучить и описать...».

Интересно, в каком заповеднике автор держал своего персонажа-газетчика, если за 4 года Советской власти – революции и Гражданской войны, – Фокин так и не успел изучить «наших врагов»? Не видел ни белого офицера, ни кулака, ни мешочника? Уникум.

Часть 2, глава 16 (на поезд напали бандиты-анархисты, Борисов и Забеля бегут, попадают в отряд чекистки Головни, потом опять в бандитскую «армию» Шестопалова):

«... – Подъём, армия!

Шестопалов велел всем умыться, причесаться и привести себя в порядок. Оказалось, решил сделать фото своей армии на память. Борисов и Забеля вынуждены были участвовать в этом групповом фото...».

Замечу, дело происходит в лесу. Это же не «Стрекоза и муравей» И.А.Крылова, «где под каждым её кустом был готов и стол, и дом». Откуда в лесу фотограф с фотоаппаратом и порцией магнезия для вспышки? Прямо классический рояль в кустах! Наверно, А. Молчанов запомнил, что тогда ни плёночных, ни, тем более, цифровых фотоаппаратов

всё-таки ещё не было... А проявить и отпечатать фотоснимки – тоже в кустах? Просто автору понадобилась в дальнейшем эта фотография для движения сюжета. И он её родил вопреки всему.

Дальше. Часть 2, глава 22: «...Медведев, ещё минуту назад не знавший, как избавиться от Дианы [фокусницы, спасённой вором Сеней Жуковым в начале повествования от разгневанных зрителей, а потом перехваченной вором Аггеем Медведевым – Ю.И.], увидев, что она кому-то нужна, вдруг заважничал:

– Плати тысячу и забирай.

Хруст покачал головой.

– На тысячу я таких пятьдесят куплю и ещё останется на извозчике прокатиться...»

Стоп-стоп, какая «тысяча»? В то время – начало НЭПа – масштабы совзнаков (денег) были несколько иными. Например, коробок спичек стоил 5 000 000 рублей. Может, женщины для воров и стоили подешевле, но не на столько же!.. Поневоле начинаешь думать, что автор просто прикалывается над читателем. Бог ему судья тогда.

С медициной у автора тоже странные отношения. Только что бандиты Шестопалова, разгромив «карательный» отряд, расстреляли Оксану Головню. Крестьяне, решив закопать расстрелянных, обнаружили, что она жива. И решили оставить в селе: выживет, так выживет. Часть 2, глава 24:

«Головня отлежалась в крестьянской избе и встала на тре-

тий день.

– Заживает, как на собаке. Видать, сам дьявол её вылепил, – бормотали крестьяне.» Да, если этот дьявол – автор, добавим от себя.

Часть 3, глава 2 (наш герой добрался-таки до Окунева). «Борисов сидел в кабинете у Гордеева в кожаном кресле. Доверительный разговор проходил под фотопортретом железного Феликса...».

Феликс Эдмундович, конечно, был известен среди чекистов – всё-таки, начальник, но сомнительно, что его фотография украшала тогда чекистские кабинеты. Портреты Маркса, Энгельса, возможно, фото Ленина, короче, вождей. А вот руководитель ВЧК был уважаем подчинёнными, но, однако, вряд ли боготворим. Да и в кабинетах современной Федеральной службы безопасности не висят, наверно, портреты их начальника Бортникова... Скорее, теперь уж Феликса Эдмундовича... Вкупе с действующим президентом.

Часть 3, глава 6: «Борисов с помощью Гордеева связался с Москвой.

– Полковник Маслов у аппарата, – услышал он в телефонной трубке. Тот самый Маслов, чья подпись на мандате.»

Замечу опять, на дворе у автора, примерно, 1921 год, белые никогда не вступали в Москву, Гражданская война против них почти закончена, кроме Дальнего Востока, да басмачей Средней Азии, да крестьянских выступлений против продразвёрстки. Не было у Советской власти в то время офи-

церских званий. Были в РККА комвзвода, комроты, комполка, комбриг и т.д., короче – красные командиры, краскомы. Полковник? В ЦК РКП (б)? С таким же успехов он мог бы представиться каким-нибудь марсианином Пур Хиссом! А, между тем, «полковник Маслов» так и остаётся у автора полковником до конца повествования. Наверно, для солидности... Ущипните меня!..

Часть 4, глава 1: «...Шестопалов вызвал к себе Фокина.

– Поедешь в Окунев, найдёшь Кондратьева. Скажешь ему – так, мол, и так. Шестопалов готов перейти на сторону красных. Давай обсуждать условия...». Напомним опять, что дело происходит в начале 1920-х годов, красные победили почти на всей территории бывшей Российской империи. Какой переход на сторону красных? Кому он нужен? Речь могла идти разве что только о сдаче. А проще бандитам было всего-навсего разойтись, без риска быть расстрелянными под горячую руку (вспомним, в это время ещё горел огонь Антоновского мятежа на Тамбовщине, не было подавлено антисоветское Ишимское восстание в Западной Сибири). Хотя, и тогда без каких-никаких документов сложно было раствориться в народной гуще...

И опять о медицине. Во время неудачной атаки анархистов Шестопалова на Окунев, Борисов получает пулю в грудь. В медчасти пулю удаляют из лёгкого. И (часть 2, глава 29) «через день-два Борисов стал выходить на улицу...». Какой-то сказочный Ванька-встанька, ей-богу!

Дальше идет лихие перипетии сюжета, в ходе которых Борисов хочет убить не слушающего приказы из Москвы Кондратьева, да не успевает: Кондратьев стреляется сам. В городе заваруха, бунт всех против всех. Снова выплывают Гриша Хруст и Оксана Головня, как представители (!) Советской власти. Забеля ранен, Борисов спасает Катерину от насилия бунтовщиков... Короче, голова кругом...

Часть 4, глава 8: «...Спрятавшись под тем самым мостом, который они минировали, Борисов штыком срезал длинные волосы Катерины. Зачерпнул пригоршню грязи и шлёпнул прямо ей в лицо:

– Теперь сойдёшь за мальчика...».

С таким же успехом герой мог попытаться перерезать волосы девушки кирпичом. Напомним: русский четырёхгранный штык не был предназначен для какой-то резки, стрижки и тому подобного. Он мог только колоть. Резать мог штык-нож. Но ни в Русской Императорской, ни в РККА таковых не было. Такие были на немецких или японских винтовках. Но автор ведь не уточняет. А мог бы просто написать: отрезал карманным ножом. Нет, понесла его нелёгкая по неизвестным ему штыкам...

А вот ещё фактическая нестыковочка. Часть 4, глава 31:

Гриша [Хруст] тем временем пытался убедить Жданова отказаться от самоубийственного плана [Жданов, бывший помощник коменданта Кондратьева, диверсант, сопровождает поезд с хлебом, хочет взорвать на ж.д. станции в Москве

один вагон с порохом и устроить политический тарарам – Ю.И.]. Гриша хочет жить. Жданов разрешил Грише спрыгнуть с поезда.

Гриша пошел в хвост состава и прошел мимо купе, в котором лежали застреленные Шестопалов и Головня. Гриша посмотрел на Головню и повернул назад.

Жданов сидел за столом в купе, пил чай и смотрел в окно. Вошел Гриша, кинулся на него. Драка. Жданов оказался сильнее. Он сбросил Гришу под колеса поезда...». Чуть позже Жданова с его вагоном пороха поджигают и отцепляют от поезда...

Опять перед нами яркий образец молчановской «прозы». Но нас интересует в данном случае другое. Попробуйте представить себе: как можно из купе выбросить кого-то «под колёса поезда»? Причём, движущегося. Даже через открытое окно человек может упасть только на насыпь и покатится по ней. Автор и на это не обращает внимания. Такое ощущение, что он гонит пограничный «километраж», сметая всё на своём пути, в том числе и логику, чтобы успеть к какой-то дате...

Пока Борисов наводит порядок в Окуневе, досье на вора Арсения Жукова оказывается в руках «полковника» Маслова. На досье имя нашего героя заклеивается полоской бумаги «Николай Борисов», а сама папка ложится в сейф, где уже лежат другие подобные папки... Тонкий намёк на толстые обстоятельства. Борисова за поезд с хлебом в Москве встре-

чают как героя, но вызванный в Кремль он готовится к разоблачению при встрече с Масловым. Надо отдать должное умению автора в нужный момент создать драматическую ситуацию, выигрышный финал (часть 4, глава 33):

«...Борисов вошел. Из-за стола навстречу ему поднялся невысокий плотный человек в сером военном френче. Протянул руку.

– Полковник Маслов. Присаживайтесь, товарищ Борисов. Борисов пожимает протянутую руку, присаживается.

– Вы хорошо поработали в Окуневе. Вами довольны, – говорит Маслов, – у нас есть для вас новое задание.

Не этого ждал Борисов. Посмотрел вопросительно.

– А как же?..

– Что? – поднял на него глаза Маслов. Встретились взглядами.

– Ничего, – сказал Борисов, – я готов.

Несгораемый шкаф, в котором лежала папка с его досье, стоял прямо за него спиной.» К сожалению, заметим, опять «полковник»...

Ограничимся указанным перечнем авторских ляпов. А. Молчанов мог бы, наверно, прописать всё более чётко и без фактических ошибок. А почему он спешил, в произведении ответа на это нет.

Не наше дело указывать авторам, что писать, а редакции «Нового мира», что и как печатать. Тем более, что редакции «литтолстяков» не представляют теперь никого, кроме

самих себя. Хотя «Новый мир» это всё-таки марка, хотя, возможно, и бывшая... Но как тут не вспомнить моностих покойного актёра Льва Дурова, который был большой мастер на одностроки: «Уж коль вы президент, то соответствуйте хотя бы!..».

И ещё один – увы – неприятный момент. Не знаю, кому как, но мне показалось, что А. Молчанов вольно или невольно написал в каком-то смысле идейную пародию на знаменитый фильм сценариста Е. Габриловича и режиссёра Ю. Райзмана «Коммунист» (1957 г.). Даже какие-то сюжетные линии совпадают: бандиты, поезд с продовольствием, который очень ждут. Правда, главного героя в исполнении замечательного Е. Урбанского наш автор «передёрнул» как в шулерской игре: вместо идейного борца за Советскую власть, рядового члена партии, показана авантюрная история, в общем-то, проходимца, вынужденного игрой случая быть якобы идейным борцом. Какая уж тут «Героическая симфония»!.. Надеюсь, мне просто показалось. А то как-то это подловато выглядит, вы не находите? Кусать мёртвого льва – в замашках только шакалов.

Ну, и вишенка на торте: «героическая симфония» «Коммунист» была номинирована, как повесть, на премию «Большая книга-2018». И прошла в лонг-лист (т.е., в полуфинал)! Кажется, это всё, что надо знать о современной премиальной прозе...

* * *

2018

P.S. Книжка А. Молчанова продаётся в интернет-магазинах. Кому интересно, загляните в неё. Автор, что характерно, со времён публикации в «Новом мире» 2018 года не изменил и не добавил в «героической симфонии» ни слова... Зато, наверно, уверенно пишет теперь в своих резюме: «номинант на премию „Большая книга-2018“, полуфиналист...».

* * *

2023

ТЕПЛИТСЯ СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

*Толкая камень собственного веса,
срывать, не добравшись до конца.
Прочитывать от первого лиц
драматургию жизненных процессов...
(Галина Щербова «Сизифов камень»)*

По определению В. Маяковского: «Поэзия – вся езда в незнаемое», – но применительно к отдельному поэту можно сказать, что его стихи – это забег на определённую дистанцию. А вот на какую, зависит от таланта автора и его работоспособности. Бывают поэты, чьё творчество похоже на рывки спринтера: этот стих удачный, этот нет, этот опять нет, а этот – весьма неплох. А бывают такие, чьё творчество похоже на стайерский забег: длинная дистанция, напряжённо-ровное дыхание, размеренный, как бы задумчивый, но быстрый ритм и где-то вдалеке-вдалеке финиш... Так вот, поэзия **Галины Щербовой** похожа на стайерских забег.

Есть старый фильм (1962 г.) английского режиссёра Тони Ричардсона «Одиночество бегуна на длинные дистанции» по рассказу Алана Силлитоу. Название стало нарицательным для показа отчуждённости человека в этом мире. Для лирической героини книг Г. Щербовой характерно одиночество именно, как сознательный выбор, возможно, как результат разных потерь: возлюбленного – «...Вернуться в двадцать

пять, / туда, где ты так близко...» («Вернуться в двадцать пять...», 2014); товарища детства – «...Ты был во всём – держу в руке свечу, – / в безумствах и поступках на пределе...» («Ивану», 2013); матери – «...Ловящую слова экскурсовода / я помню маму в драповом пальто» («Шёл снег с дождём», 2011).

Внутренняя отстранённость лирической героини, тем не менее, не имеет ничего общего с замкнутостью, обитанием в некоей башне из слоновой кости:

«Большой Никитской, выводя/ её фарватер,/ бежит скрипачка от дождя/до альма-матер./ И не покрыта голова,/ и тонкий свитер./ Её встречают деревья/ и композитор./ Их отзвучали времена/ и устарели./ Она смертельно влюблена,/ как все в апреле./ Но не признаются ни в чём/ глаза под чёлкой./ Футляр со скрипкой за плечом/ блестит двустволкой.» («Весенняя охота», 2013)

В кругу интересов автора окружающий мир во всём разнообразии: путешествия, Москва, где живёт поэт, явления природы, собственный внутренний мир. Одиночество, естественное для пишущего человека, позволяет пристальнее вглядываться в окружающее, видеть не только оболочку предметов и явлений, но и некую суть, проступающую через внешние формы бытия...

Многие стихи автора исполнены внутреннего напряжения, в них нет ни одной расслабленной строки, не в смысле неряшливости написания – вот, чего нет, того нет, – а в том

смысле, что почти каждая строка, как взведённый курок: прочитал, словно нажал на спуск, – и выстрел.

Галина Щербова – мастер точных деталей, неожиданных образов и сильных концовок:

«Бескровно небо. Голову вбивает/ холодный фронт в ду-
ло воротника./ Суконная двубортная тоска/ души порывы
преодолевают./ Близка зимы гружёная телега/ и снежных баб
хрустящий гарнизон./ Топорщится некошенный газон,/ оше-
ломлённый первой пробой снега./ А в эпицентре всех пере-
сечений,/ ловя морозов льдистую струну, -/ как девушки, го-
товые ко сну, -/ стволы среди опавших облачений.» («Бес-
кровно небо...», 2013).

Яркая черта автора – это умение через описание при-
роды показать состояние души, душевные переживания. Она включает природу в контекст человеческого существо-
вания и очеловечивает её, умеет превратить обыденное и ми-
момлётное в факт поэзии. Любой взгляд вокруг – повод и воз-
можность дать яркую зарисовку. Поэт уверяет, что такие
картинки пишутся легко, естественно. И это чувствуется,
т.к. их так же легко читать:

«Размеренно по улице Арбат/ Грузённые „Камазы“ едут
строём —/ Везут позавчерашний снегопад./ Он почестей
особых удостоен./ И чудится, что у грузовиков/ Не кузова,
а чайные стаканы,/ Что белоснежный сахар облаков/ Нам на-
кололи к чаю великаны.» («Снегопад к чаю», 2013).

И снова Москва, нечто абстрактное, бесформенное,

огромное, предстаёт в конкретных, чётких, колоритных образах:

Лепнины излишества лепятся к корпусу дома,
засевшего в мелях и вросшего в старые дни.
Его обтекают машины, прогрессом ведомы,
но кажется дому, что движется он, не они.
Вокруг поднялись многолетние клёны и липы,
до палубы крыши ветвями шутя достают,
собой заслоня советских времён морфотипы,
листвой оживляя устойчивый сумрак кают.
Сошли пассажиры осваивать новые земли.
Закуталось прошлое в дождь и туманы до пят.
Забывтый корабль возле русла песчаного дремлет.
И ночью во тьме не деревья, а мачты скрипят.
(«Песчаные улицы», 1994—2014)

Галина Щербова выпустила 6 сборников стихов, три книги прозы, печатается в периодических изданиях, на Интернет-порталах Дзен. Яндекс, Перемены, Русское поле, в общем, активно работает в литературе. С каждой книгой видение мира усложняется, письмо становится насыщеннее.

Прекрасное владение силлабо-тоникой не мешает поэту выражать себя и в верлибре. Верлибр – дело тонкое, можно запросто сбиться на прозаический рассказ или запутаться – и запутать читателя – в чересчур сложной метафористике. Тем не менее, в понимании Г. Щербовой верлибр – это, скорее, афористичность: «ложась спать/ не забудьте отключить/

голову» («ложась спать...», 2011), или «того / кто знает себе цену/ никто не сможет переоценить» («того, кто знает себе цену...», 2011). Автор подтверждает реноме верлибра и своё собственное.

Существует старая русская литературная традиция: съездил – увидел – описал. Тем более, заграничные впечатления. И, хотя в наше время эта самая заграница почти в шаговой доступности, тем не менее, художественный взгляд поэта значит многое. Приятно то, что и здесь поэт не изменяет себе и, описывая виденные места, почти всегда не просто перечисляет яркие впечатления, а превращает их в некий коллаж виденного, осмысленного, пережитого. Но, тем не менее, особенно сильные стихотворения этого ряда – «В гостях у графини», «Мальборк», или вот, например, «Дикая Лукания» (2013г.) с эпиграфом «Христос остановился в Эболи» (Карло Леви):

«Бесшумные разбойничьи набеги./ Ущелий всеобъемлющий простор./ Не защитят молитвы, обереги/ на козьих тропах неприступных гор./ Где кларнетист сорвался, брезжат веха,/ и музыка звучит издалека./ Ночной порой доносится, как эхо,/ протяжный стон из пропасти Стрелка./ Тут не известны радость и веселье,/ все проклинают тяжкое житьё./ Тут женщины подмешивают зелье/в объятья, поцелуи и питьё./ По-колдовски безмолвны и суровы./ И угли глаз. И чернота волос./ И что им христианские основы, -/ ведь не дошёл до Эболи Христос.» —

т.е., те, которые рисуют жизнь людей. В целом, стихам о загранице присуща некая поверхностность. Хотя едут за границу посмотреть именно туристические виды. Другое дело, что за каждым – условно говоря – «Золотым кольцом» есть и «Бетонное кольцо», и «Деревянное кольцо», а где-то и «Земляное»... И хотелось бы больше видеть запечатлёнными в стихах, если уж на то пошло, непарадные виды городов и весей Италии, Испании и других мест. Т.е. то, что автор прекрасно умеет делать на родном материале:

Москворецких далей панорама.
Как в непритязательном ремейке,
девушка в тени святого храма
с книгой примостилась на скамейке.
Небосвод простёрся синей ширью,
плещет ветка вызревшей черешни.
Девушка склонилась над Псалтырью,
пряча взгляд рассеянно-нездешний.
Монастырских крыш лепные главки
отвлекают чуть заметным креном.
Юная монахиня на лавке
душераздирающе смиренна.
Красота отчаянно условна.
Безусловны лишь святые лики.
А вокруг опрятная Коломна,
огороды полные клубники.
(«Коломна», 2013)

Как писал Юрий Кузнецов: «Край света – за ближним углом». Так и в нашей поэзии часто сталкиваешься с мощным творчеством, свернув за ближайший угол, – открыв наугад случайно купленную, или доставшуюся в подарок книгу. Увы, многие пишущие замыкаются в скорлупе самомнения или членства в каком-нибудь писательском союзе, или в литературной группе и не видят, что происходит рядом, с твоим товарищем по литературе. Не смотря на то, что Галина Щербова сторонилась до недавних пор всяческих союзов, её уже оценили не только читатели, но и коллеги-поэты: она – лауреат и дипломант нескольких литературных фестивалей и конкурсов.

И всё-таки, хотелось бы подчеркнуть напоследок ещё раз: не пессимизм одиночества бегуна преобладает в стихах Г. Щербовой, несмотря на стайерский характер её творчества, а, наоборот, приятие жизни во всех её проявлениях, во всех её красках:

«Ветра надраивают, дуют,/ зимы лиловый чароит./ В мешок обёрнутая туя,/ как привидение стоит./ Но днями невообразимо/ сияют небо, облака!/ Давно пора забыть про зиму,/ весна не то чтобы близка, -/ она играет пузырями,/ клянёт капелью зиму вслух,/ и ноздреватый снег ноздрями/ сосёт её тлетворный дух,/ летящий мимо контролёров/ до дна метро большой Москвы, -/ дух свежекращеных заборов,/ как обещание листвы.» («Пей до дна», 2013).

* * *

2018

СКОМОРОХ, ИЛИ ЗЕРКАЛО КРИВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Уже 25 лет на нашем поэтическом небосклоне сверкает (или тускло мерцает – кому как нравится) звезда **Всеволода Емелина**. Лев Пирогов в предисловии к первому печатному изданию в 2002 году знаменитых «Песен аутсайдера» писал, что стихи Емелина – это не что иное, как плач юродивого. С этим утверждением сложно согласится. По средневековым представлениям юродивый говорит с Богом, а отсюда его язык для простых людей невнятен. Если пользоваться теми же средневековыми определениями, то Вс. Емелин, скорее всего, скоморох, который с речевыми гримасами, ужимками и плясками не допускает, тем не менее, никакой невнятицы и неясности. Двусмысленностей (но не скабрзностей!) – да, сколько угодно, но смыслы его «песен» весьма и весьма внятны для читателя. Поэтому, заметим, государство и церковь всегда преследовали скоморохов – одни, видя в них опасность для престижа власти, другие, видя в них конкурентов в борьбе за паству.

ЛЮБИМЕЦ ФОРТУНЫ

«Ваше благородие, госпожа Удача,
Для кого ты добрая, а кому иначе...»

(Б. Окуджава. «Ваше благородие...»)

Для поэта важно появиться в нужное время. Талант-то, конечно, потенциально всегда будет востребован литературой, но не всегда оценён читателями-современниками. Вс. Емелин из тех, кого фортуна – в том числе и литературная – поцеловала много раз. Мог умереть в детстве от многочисленных болезней и операций, но выжил. Мог умереть от белой горячки на Севере, когда работал после окончания института геодезистом на Севере, но не умер. Мог, наверно, начать печататься ещё в советское время, как тот же И. Иртенъев, или В. Степанцов, да так и остаться в том времени... Хотя вот тут даже не вопрос, а утверждение: нет, не мог. Как не могли печататься в официозе концептуалисты, в лице, например, Л.Рубинштейна или Д. Пригова. Я не говорю о качестве их текстов, которые годятся для чего угодно, и не обязательно для книг. Или про узость темы, вроде приговских «милищанеров» – и, собственно, больше ничего особенного. Что уж говорить про нашего поэта (а, по его словам, он с конца 1970-х годов активно пробовал пробиться в литературные издания, но, увы)? Даже Д. Пригов на его фоне выглядит неким мастером изящной словесности. Как оказалось, стихи Вс. Емелина ждали своего часа – часа общественной встряски.

СМУТА

«Пил отраву без закуски,

Побирался на помойке я.
Не забудут люди русские
Девяностые жестокие...»

Вс. Емелин. «Про Березовского (и не только)»)

Вспомните «лихие» 1990-е годы. Как будто про нас было китайское проклятье: «Чтоб ты жил в эпоху перемен!». В эти годы одна общественно-экономическая формация, капиталистическая, сменяла другую, социалистическую, причём, в ускоренном темпе. После краха СССР осиротевших экс-советских граждан окружила какая-то кривая реальность: ваучеры и либерализация цен, залоговые аукционы и передел собственности, бешеный скачок цен на товары и многомесячные невыплаты зарплат, скуднейшие пенсии; малиновые пиджаки (кто-то правильно назвал их диагнозом) и разгул ОПГ; пьющий президент и семибанкирщина; развал промышленности и деградация сельского хозяйства; массовое вымирание русского населения; горечь и позор первой чеченской войны; «челноки» и шоп-туры в ближнее и дальнее зарубежье; крах советской системы кинематографа, разгул постмодернизма в литературе... Государство разваливалось и менялось, общество металось в поиске новой идентичности. Такое состояние неустойчивости и рыхлости и называется смутой, или безвременьем.

Любая эпоха может быть описана с трёх точек зрения: высокой – трагедия, средней – драма, и низкой – сатира и юмор (прямо по теории «трёх штилей»). Всё можно вос-

петь, объяснить или осмеять. Эпоха соцреализма, т.е. в каком-то смысле литературного «большого стиля», прошла. Пришедший в нашу литературу постмодернизм и занялся, в первую очередь, осмеиванием. Легко было написать К. Марксу в своё время: «Смеясь, человечество расставалось со своим прошлым». А каково было советским писателям и поэтам в одночасье потерять свои, казалось бы, устоявшиеся позиции и ранги? Опора в виде поддержки государства через Союз писателей потеряна, литфункционеры растеряли или разворовали писательскую собственность, резко «усохли» вчера ещё успешные и востребованные «литтолстяки». Чем жить? В том числе и материально. К чему призывать? В том числе, и идеологически, как привыкли. Поскольку новая демократическая РФ бросила их на произвол судьбы, как, впрочем, и всё население страны. Как оказалось, читать читателю теперь некогда, шибко кушать хотелось. И надо было литераторам как-то определиться в наступившей эпохе... И одни уехали за границу, как Е. Евтушенко; другие сели на подачки олигархов, как Б. Васильев; третьи стали поливать прошлое чёрной краской, как В. Астафьев; четвёртые ударились в публицистическую прозу, как В. Распутин. Зато на первые роли вышли постмодернисты – насквозь вторичный В. Пелевин, В. Сорокин с его «говнопрозой», многочисленные дамские детективщицы... И да, наступила пора таких поэтов как Вс. Емелин.

И пока литераторы, окончившие Литинститут или фил-

факи университетов и поэтому имевшие чёткое представление, «что такое хорошо и что такое плохо» хотя бы в плане формы, морщили носы от вчерашнего андеграунда, сегодня ставшего вдруг мейнстримом, творцы, обижаемые традиционалистами-«классиками», заявили о своих правах – правах на своё видение и освещение в творчестве переживаемой эпохи. Эпохи, ещё раз заметим, безвременья.

ШЕРШАВЫМ ЯЗЫКОМ ПЛАКАТА

«Для того и щука в озере,
чтобы карась не дремал».

(Русская народная пословица)

Надо отдать должное: в Емелинских циклах «Песни аутсайдера», «Смерти героев» и других стихах этого периода получили, как в зеркале, отражение многие проблемы того времени, сложилась эдакая мини-энциклопедия русской жизни 1990-х – начала 2000-х годов.... И обо всём поэт говорил ясным, внятнм, простым языком, возвращал словам их конкретное значение. Не писал толерантно-нейтрально, с лёгкой истомой в голосе, «гей», а по-простонародному, от души, – «пидор», этак «весомо, грубо, зримо». Не писал «дорогие россияне», а называл конкретно: «чечен», «еврей», «русский», «хохол», – в зависимости от обстоятельств, в какие попадал его лирический герой. Хотя, в общем-то, особой заслугой самого литератора в этом не было. 1990-е годы – время безудержной свободы слова, остановить которую

могла разве что только бандитская пуля, если кто-то куда-то не туда лез с этим своим свободным словом. Хотя последнее относилось, скорее, к журналистам. Поэтов никто не отстреливал, даже литературные конкуренты и соперники. Никому они были не нужны. В общем, это были годы, когда при слове, например, «еврей», никто не хватался одной рукой за сердце, а другой за 282 статью Уголовного кодекса РФ (которую, кстати, ввели только в 2002 году – возбуждение ненависти либо вражды, унижение человеческого достоинства). Чего было хвататься, если все язвы были на поверхности и их проявления напрямую сочетались с той или иной группой «дорогих россиян»: чеченская гражданская и антитеррористическая война на Северном Кавказе: «... Среди рваной стали, / Выжженной травы / Труп без гениталий / И без головы. / Русские солдаты, / Где башка, где член? / Рослый, бородатый / Скалится чечен...» («Колыбельная бедных»).

Или сложившийся олигархат в лице семибанкирщины: «... В это время пили виски / И ласкали тело женское / Березовские, Гусинские, / Ходорковские, Смоленские / Шли могучие и гордые / И сверкали, как алмазы, / И устраивали оргии / В штаб-квартире ЛогоВАЗа...» («Про Березовского (и не только»).

Или новые хозяева жизни: «... -Подайте, господин хороший, / В моей груди огонь горит. / Но господин в английской шляпе / И кашемировом пальто / Ответил бедному растяпе: / – Ты говоришь щас не про то. / Я – состоятельный муж-

чина, / А ты сидишь и ноешь тут. / А в чём по-твоему причина? / Всему причина – честный труд... / Служу я в фонде „Трубный голос“, / И мне выплачивает грант / Миллиардер известный Сорос, / Когда-то нищий эмигрант...» («Судьбы людские»).

Или облапошенное по всем позициям русское население РФ: «...Среди свободной России / Я стою на снегу, / Никого не имею, / Ничего не могу...» («Судьба моей жизни»).

Глухое недовольство низов поэт улавливал очень чутко и очень чётко писал об этом: «...Что не спишь упрямо? / Ищешь – кто же прав? / Почитай мне, мама, / Перед сном „Майн Кампф“. / Сладким и палёным / Пахнут те листы. / Красные знамёна, / Чёрные кресты. / Твой отец рабочий, / Этот город твой. / Звон хрустальной ночи / Бродит над Москвой. / Кровь на тротуары / Просится давно. / Ну, где ваши бары, / Банки, казино?...» («Колыбельная бедных»). Но поэт честен в своих выводах: сила солому ломит, и сила не на стороне окраин.

Но просматривалось всё же противоречие в писаниях Вс. Емелина: странно было ожидать от автора, который восторженно принял подавление августовского путча 1991 г., участвовал во всей этой демократической суете и требовал расстрелять «красно-коричневую сволочь» в октябре 1993 г., – так вот, странно было всё же ожидать от него националистически-люмпенского взгляда на установившиеся порядки. Но это лишний раз подтверждает тезис К. Марк-

са о том, что бытие определяет сознание. Поскольку успехи контрреволюции, за которую наш поэт активно боролся листовками, баррикадами, стояниями у Белого дома, прошли мимо него, материального ничего ему не обломилось от новой власти. Но что было, то было: «А кто был прав? Поди пойми. / Такие хитрые загвоздки / Жизнь часто ставит пред людьми» («Судьбы людские»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.